

Л Ъ Ю
У О Л Л Е С

Бен-Гур

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.6(73)
ББК 84(7Сое)-44
У63

Серия «Зарубежная классика»

Lew Wallace

BEN-HUR: A TALE OF THE CHRIST

Перевод с английского *В. Кайдалова*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Уоллес, Лью.

У63 Бен-Гур : [роман] / Лью Уоллес ; [пер. с англ. В.Д. Кайдалова]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 640 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-094116-2

Эпоха Римской империи, эпоха Пришествия Спасителя.

Знатного гражданина Иуду Бен-Гура предал его лучший друг — римский трибун Мессала. Бен-Гур был осужден и долгие годы провел в рабстве, мечтая о возвращении домой. Он преодолел немало испытаний — и наконец судьба ему улыбнулась... Но ни долгожданное возвращение на родину, ни месть бывшему другу не подарили Бен-Гуру счастья. Ведь для обретения настоящей свободы всегда нужно нечто большее, чем возмездие...

УДК 821.111-311.6(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-094116-2

© Перевод. В.Д. Кайдалов, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Бен-Гур — потомок знатного иудейского рода — был предан другом-римлянином. Пройдя через горнило испытаний, юноша превратился в закаленного мужа, но сердце его осталось любящим и нежным. Бен-Гур уверовал в Христа и собрал легион, чтобы защищать Спасителя от Рима, но не ожидал князь, что сами иудеи будут кричать: «Распи Его!»

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

В ПУСТЫНЕ

Джебель-ас-Зублех — это гора длиной миль пятьдесят, столь узкая, что ее изображение на карте напоминает гусеницу, ползущую с юга на север. Если стоять на ее красно-белых скалах лицом к восходящему солнцу, то перед смотрящим расстилается Аравийская пустыня, по которой от начала времен носятся восточные ветры, столь ненавидимые виноградарями Иерихона [1]. Подножие горы засыпано глубокими песками, принесенными из-за Евфрата, а на западе, защищенные, как стеной, горой Джебель, лежат пастбища стран Моаб и Аммон — земель, которые некогда тоже были частью пустыни.

Арабский язык господствует на всем пространстве южнее и восточнее Иудеи; согласно ему, старик Джебель приходится отцом всем вади, сухим руслам речушек, которые, пересекаемые построенной римлянами дорогой — ныне бледным подобием того, чем она была когда-то, ставшей всего лишь пыльным трактом для сирийских паломников, бредущих в Мекку и обратно, — в дождливый период наполняются бурными потоками воды, несущимися в Иордан и дальше, к своему конечномуместилищу, Мертвому морю. По одному из таких вади, начинавшемся от самой оконечности Джебеля и, даже вытягиваясь с востока на север, становящемся руслом реки Джаббок, двигался путешественник, направляясь к пустынному пла-

то. Да остановит же читатель свое внимание на этом человеке!

Судя по виду, ему было около сорока пяти лет. В бороде его, некогда жгуче-черного цвета, широкой волной спускающейся на грудь, просвечивала седина. Лицо цвета хорошо прожаренного кофе скрывала красная кейфие (как ныне называют эту головную накидку дети пустыни), позволяя видеть лишь его небольшую часть. Одет он был в просторный балахон, столь распространенный на Востоке; над головой его был натянут небольшой навес, укрепленный на седле белого одногорбого верблюда. Время от времени путешественник поднимал к небу большие темные глаза.

Чрезвычайно сомнительно, мог ли когда-нибудь человек Запада преодолеть изумление, производимое на него видом верблюда, снаряженного и навьюченного для путешествия по пустыне. Привычка, столь губительная для других свежих впечатлений, в данном случае не срабатывала. Даже в конце долгого путешествия с караваном, после многих лет, проведенных бок о бок с бедуинами, рожденный на Западе человек застывал на месте при виде гордо шествующего животного. Очарование крылось отнюдь не в его фигуре, которую даже любовь не могла бы увидеть прекрасной; не в его движениях, бесшумной поступи или мерном покачивании. Подобно тому как море благоволит кораблю, так и пустыня была расположена к этому созданию. Она облекала его во все возможные покровы тайн; заставляя нас, смотрящих на него, думать только о нем: вот оно, истинное чудо. Животное, которое ныне поднималось из вади, вполне могло вызвать искреннее восхищение. Его масть и рост, ширина ступней, массивное тело, не отягощенное жиром, но бугрившееся мышцами; голова, широкая в лобной части; длинная изящная шея, своим выгибом напоминавшая лебединую, столь тонкая, что на ней вполне можно было бы застегнуть женский наручный браслет; шаги, длинные и упругие; уверенная и бесшумная поступь — все указывало на бесценную сирийскую кровь, восходящую ко дням самого Кира [2]. На животном была обычная упряжь, отделанная алой

бахромой, спускавшейся на лоб, с бронзовыми цепочками на груди, оканчивающимися позвякивающими серебряными колокольчиками; поводья отсутствовали. Устройство на спине верблюда принадлежало к числу тех, которые могли бы прославить его изобретателя, если бы он не принадлежал к сонму безвестных восточных мудрецов. Оно представляло собой два деревянных ящика, едва ли четырех футов в длину каждый, висевших по обеим сторонам тела животного; все пространство между ними было устлано мягкими тканями и накрыто ковром так, что хозяин верблюда мог сидеть или полулежать. Над этим сооружением был натянут зеленый полог. Широкие ремни, охватывавшие туловище животного и соединенные бесчисленными узловатыми веревками, удерживали сооружение на месте. Таким образом искусные сыны Востока ухитрились с достаточным комфортом путешествовать по сожженным солнцем диким просторам как по делам, так и ради удовольствия.

Взобравшись на последнюю террасу вади, путешественник и дромадер пересекли границу страны Аль-Белка, античного Аммона. Стояло раннее утро. В небе, подернутый дымкой, висел красный диск солнца; под ним раскинулась пустыня, но не царство движущихся песков — оно лежало дальше, — а то пространство, где трава и кустарники постепенно сходили на нет; где поверхность земли была покрыта гранитными валунами, а серые и коричневые камни перемежались чахлыми кустиками акации и пучками верблюжьей колючки. За спиной путника остались словно бы сжавшиеся от страха перед грядущей пустыней небольшой дубок, кустики ежевики и земляничное дерево, символы границы зеленого мира.

Здесь обрывались все дороги. Куда более чем раньше, стало казаться, что кто-то незримо управляет верблюдом; тело его вытянулось вперед, он ускорил шаги; голова животного была направлена прямо к дальнему горизонту; широкие ноздри мощно втягивали воздух. Паланкин на спине раскачивался, поднимаясь и опускаясь, как лодка на волнах. Под ногами верблюда похрустывали случайные сухие листья. Иногда в воздухе разливался

сладковатый запах полыни, проносились жаворонки и чеканы. Из-под ног, посвистывая и кудахта, прыскали в стороны белые куропатки. Редкое появление лисы или гиены заставляло животное ускорять шаг, чтобы оказаться на безопасном расстоянии. Справа возвышались холмы Джебеля, покрытые перламутровой дымкой, ставшей моментально алой, как только ее коснулись лучи солнца. Над самыми высокими пиками парили грифы, описывая широкие круги. Но путник под зеленым пологом не видел всего этого или по крайней мере не подавал никакого знака, что видит окружающее. Взор его, мечтательный и отсутствующий, был устремлен в одну точку. Похоже было на то, что человеком, как и верблюдом незримо кто-то управлял.

Два часа, не уменьшая шага, дромадер двигался вперед, следуя точно на восток. За все это время путешественник не изменил позы, даже не бросил взгляда вправо или влево. Расстояния в пустыне измеряются отнюдь не милями и не лигами, но саатами, или часами, и манзиями, или переходами: в первом отрезке три с половиной лиги, во втором — от пятнадцати до двадцати пяти лиг; но такова уж обычная норма для верблюда. Животное же истинной сирийской породы с легкостью покрывает три лиги. Идя полным галопом, оно обгоняет даже пустынный ветер. В результате такого быстрого передвижения облик окружающей местности стал изменяться. Джебель отступил к западному горизонту, вытянувшись вдоль него подобно бледно-голубой ленте. По сторонам стали появляться холмы, сложенные из глины и уплотненного песка. Грунт прорывали круглые базальтовые глыбы, авангард гор, высланный ими на равнину; все остальное пространство занимал песок, то ровный, как на приморском пляже, то вздымающийся пологими горками, то вытянувшийся длинными волнами. Стал другим и воздух над пустыней. Высоко поднявшееся солнце выпило из него всю утреннюю влагу и раскалило ветер, овевающий путника; залило молочно-белой краской землю пустыни, заставило светиться все небо над нею.

Еще два часа прошли без остановок или изменений направления движения. Растительность совсем исчезла. Песок, хрустевший под ногами животного при каждом шаге, заполнил все вокруг. Джебель скрылся вдаль, глазу было не за что зацепиться как за ориентир. Тень, до этого покорно следовавшая за путником, развернулась к северу и сжалась, превратившись в пятнышко у самых ног верблюда. Поскольку не было ни малейшего намека на грядущую остановку, поведение путешественника с каждой минутой казалось все более странным.

Следует заметить, что никто из живущих в пустыне не относится к ней легкомысленно. Жизнь и дела заставляют пересекать ее по тропам, рядом с которыми немим предупреждением путникам то и дело можно видеть кости существ, двигавшихся по ним. Тропы эти тянутся от одного источника до другого, от пастбища к пастбищу. Сердца самых опытных жителей пустыни начинают биться чаще, когда они оказываются в одиночестве вдаль от торных путей. Поэтому человек, о котором мы ведем речь, не мог странствовать просто ради удовольствия, хотя по манере поведения не походил и на беглеца. В подобных ситуациях страх и любопытство становятся самыми обычными чувствами; путник же явно их не испытывал. Если человек странствует в одиночестве, он рад любому спутнику; собака становится лучшим другом, лошадь — верным товарищем, и нет ничего стыдного в том, чтобы приласкать их или обратиться к ним со словами любви. Но ничего подобного не перепало верблюду — ни ласкового слова, ни прикосновения.

Ровно в полдень дромадер по своей собственной воле остановился и испустил хриплый рев, которым эти животные обычно выражают свой протест против чересчур тяжелого груза, требуют внимания к себе или отдыха. Поэтому его хозяин вернулся к действительности, очнувшись от своей дремоты. Он откинул полог своего хоуда, бросил взгляд на солнце, долго и тщательно всматривался в пространство по обе стороны от направления движения, словно пытаясь узнать некое условленное место. Видимо, осмотр его удовлетворил, ибо он глубоко вздохнул и кивнул головой, словно говоря самому

себе: «Ну, наконец-то, наконец!» Минутой спустя он скрестил руки на груди, склонил голову и вознес молчаливую молитву. Свершив религиозный долг, он стал готовиться к остановке. Из рта его вырвался звук, без сомнения самый желанный для всех верблюдов страны библейского Иова — Икх! Икх! — сигнал пасть на колени. Животное медленно повиновалось. Поставив ногу на изгиб тонкой шеи, всадник сошел на плотный песок.

Глава 2

ВСТРЕЧА МУДРЕЦОВ

Сложение человека, ступившего на песок и представшего нашему взору, оказалось превосходным — он был не очень высок, но весьма силен. Развязав шелковый жгут, удерживавший на его голове кейфие, он отбросил назад волосы, так что стало видно его лицо — с резкими чертами, темное, едва ли не как у негра, хотя широкий лоб, орлиный нос, слегка вздернутые наружные углы глаз, блестящая грива густых, прямых и жестких волос, спускавшихся к плечам, не оставляли никаких сомнений в его происхождении. Так выглядели фараоны, а впоследствии Птолемеи [3]; так выглядел Мицраим, отец египетской расы. Путник был облачен в камис, белую рубашу из хлопка, с узкими рукавами, открытую на груди и достигавшую колен, с вышивкой вокруг шеи и на груди. Поверх камиса была наброшена накидка из коричневой шерсти, сейчас, как, вполне вероятно, и тогда, называвшаяся аба, — верхняя одежда с длинным подолом и короткими рукавами, подбитая изнутри несколькими слоями хлопка и шелка, отороченная золотистого цвета каймой. На ногах красовались сандалии, удерживавшиеся ремешками из мягкой кожи. Камис на талии был стянут кушаком. В глаза бросалось то, что человек был безоружен: хотя он путешествовал в одиночку, а пустыня кишела леопардами, львами да и людьми, не уступавшими хищникам в кровожадности, у путника не было при себе даже изогнутого посоха, используемого для

управления верблюдами; из этого мы можем заключить, что дело его было вполне мирное, а также то, что он был необычно отважен либо находился под чрезвычайно могущественной защитой.

Руки и ноги путника, вероятно, затекли после долгого и утомительного пути. Он растер руки, несколько раз топнул ногой и обошел вокруг своего верного слуги, который, прикрыв глаза, сосредоточенно пережевывал найденный пучок колючки. Делая этот круг, путник несколько раз остановился, всматриваясь из-под ладони в пустынные дали; но всякий раз, когда он опускал ладонь, на лице его отражалось разочарование. Внимательный наблюдатель понял бы, что человек этот кого-то здесь поджидает, и задался бы другим, куда более сложным вопросом: что за дело требовало встречи в столь далеком от обжитых мест?

Но, несмотря на разочарование, путник, казалось, все равно был уверен в появлении ожидаемых им людей. Подойдя к паланкину, он вынул из ящика губку и небольшую флягу с водой и промыл глаза, морду и ноздри верблюда; сделав это, путник из того же ящика извлек круг материи в красную и белую полосу, моток веревок и прочную деревянную стойку. Несколько умелых действий — и стойка превратилась в хитроумное устройство из нескольких колен, соединенных между собой подобием шарниров. Вместе они образовали центральную стойку шатра. Когда стойка была воткнута в песок и закреплена растяжками, путник набросил на растяжки материю и в буквальном смысле оказался в доме, пусть меньшем, чем жилище эмиров и шейхов, но вполне приличном во всех остальных отношениях. Затем человек достал из паланкина ковер или квадратный плед и натянул его в качестве боковой стены, закрыв внутренность шатра от солнца. Сделав это, он вышел наружу и еще раз, более внимательно обвел взором окружающее пространство. Оно, за исключением пробежавшего вдали шакала и парившего высоко в воздухе орла, оставалось совершенно безжизненным.

Человек повернулся к верблюду и негромко произнес на языке, редко звучавшем в пустыне: «Мы с тобой оказались далеко от нашего дома, о скакун, обгоня-

ющий ветер. Мы далеко от дома, но Бог пребывает с нами. Так будем же терпеливы».

Затем он достал из переметной сумы несколько пригоршней фасоли, засыпал их в торбу, повесил ее под морду верблюда и, отметив для себя, с каким удовольствием тот принялся за еду, повернулся и еще раз обвел взглядом море песка, залитое почти вертикальными лучами солнца.

— Они придут, — невозмутимо произнес он вслух. — Тот, кто ведет меня, ведет и их. Я должен быть готов.

Из карманов на внутренней поверхности шатра и из плетеной корзины, стоявшей в паланкине, он достал приборы и яства для трапезы: блюда из сплетенных пальмовых волокон, вино в небольших кожаных бурдюках, вяленую и копченую баранину, шами — сирийский сорт граната без косточек, сыр, подобный «ломтям молока» библейского Давида, и дрожжевой хлеб. Все это было разложено на ковре под шатром. Рядом с яствами человек положил три больших лоскута белого шелка, которые используются утонченными жителями Востока, чтобы прикрывать колени обедающих гостей. Теперь стало ясно, скольких гостей он ожидал.

Все было готово к встрече. Человек вышел из шатра и застыл на месте: на востоке на ярком золоте пустыни появилось темное пятно. Какое-то время он стоял как вкопанный; глаза его расширились, по коже пробежал холодок. Пятнышко увеличивалось в размерах, стало приобретать определенные очертания. Некоторое время спустя можно было уже различить верблюда, высокого и белого, несшего на спине хунда — дорожный паланкин Индостана. Тогда египтянин скрестил руки на груди и возвел взор к небу.

— Воистину велик только Бог! — воскликнул он со слезами на глазах и с благоговением в голосе.

Подъехавший человек, казалось, только что очнулся от дремы. Он обвел взглядом лежащего на земле верблюда, шатер и человека, стоявшего в молитвенной позе у входа, тоже скрестил руки, склонил голову и прошептал про себя слова молитвы; после чего, немного помедлив, ступил на шею верблюда и сошел на песок, направляясь к египтянину. Мгновение они смотрели друг на друга;

затем обнялись — каждый из них положил правую руку на плечо другого, левой обнимая за спину и прижавшись лицом сначала к левой, а потом к правой стороне груди.

— Да будет мир тебе, о служитель истинного Бога! — произнес приехавший вторым.

— И тебе того же, о брат мой по истинной вере! Мир тебе и добро пожаловать, — пылко ответил египтянин.

Вновь прибывший был высок и худощав, седобородый, с узким лицом и запавшими глазами, кожей цвета бронзы с оттенком корицы. Он тоже был безоружен. Облачение его было типично индусским; поверх тюбетейки большие складки платка образовывали тюрбан; на плечах красовался почти такой же наряд, что и у египтянина, лишь аба была несколько короче, позволяя видеть широкие просторные шаровары, закрывающие колени. Вся одежда была из белоснежного полотна, за исключением шлепанцев красной кожи без задников, с загнутыми вверх носками. От человека исходило ощущение благородства, величавого достоинства и простоты. Вишвамитра, величайший из героев и аскетов «Илиады» Востока, получил в нем свое идеальное воплощение. Ему вполне подошло бы имя Жизнь, пронизанная мудростью Брахмы [4], — Воплощенная Инкарнация. Лишь в глазах индуса оставалось что-то земное и человеческое; когда он поднял свое лицо от груди египтянина, в них блестели слезы.

— Воистину велик только Бог! — воскликнул он, размыкая объятия.

— Да будут благословенны служащие Ему! — ответил египтянин, с изумлением услышавший повторение своих собственных слов. — Но подождем немного, — добавил он, — подождем, потому что приближается еще один.

Они устремили свои взоры к северу, откуда, уже вполне различимый, приближался третий верблюд, такой же белоснежный, как и два первых, покачиваясь, словно корабль на волнах.

Они ждали, стоя плечом к плечу, — ждали, пока новый всадник подъехал, спешил и направился к ним.

— Мир тебе, о брат мой! — произнес он, обнимая индуса.